

Мария
БАГАНОВА

Рудольф
НУРЕЕВ

Мария Баганова

Рудольф Нуреев

Серия «Биография эпохи»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69985861
Рудольф Нуреев: Издательство АСТ; М.; 2023
ISBN 978-5-17-155995-3

Аннотация

Рудольф Нуреев принадлежал к редкому типу людей, способных изменять мир вокруг. Можно по-разному оценивать его вклад в искусство танца, но нельзя не признать, что без Нуреева не было бы современного балета. Он привнес в классическое искусство живое человеческое чувство. Одним из первых мужчин-танцовщиков он начал использовать приемы женского танца. Его жизнь была соткана из противоречий, а судьба напоминала историю Золушки: мальчик из бедной семьи стал мировой знаменитостью. Он пережил свою славу, отказываясь уйти со сцены, даже когда сил на танец уже не оставалось, прожил короткую, но яркую жизнь, став одной из первых жертв эпидемии СПИДа.

Самая полная и яркая биография танцовщика рассказывает не только о его бурной личной жизни, но и о главном романе его жизни – романе с танцем.

Сохранен издательский макет.

Содержание

Рудольф Нуреев. Избранные цитаты	5
Пролог	11
Глава первая. Жизнь в СССР	13
Семья	13
Младенческие годы	20
Война	22
Уфа	25
Театр	30
Отец	34
Школьные годы	37
Дворец пионеров	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Мария Баганова

Рудольф Нуреев

© Башкирский государственный театр оперы и балета,
фото, 2023

© М. Баганова, текст, 2023

© Издательство АСТ, 2023

Рудольф Нуреев.

Избранные цитаты

«Танцуйте с нахальством. Не сдерживайте себя! Робость никому не интересна. Если вы робки, вас съест ваш костюм и декорации. Овладейте сценой и командуйте ею! У вас есть талант, так отдайте ему себя! Публика приходит в театр, чтобы увидеть людей, одержимых тем, что они делают».

«Я не могу точно определить, что значит для меня быть татарин, а не русским, но я в себе ощущаю эту разницу. Наша татарская кровь течет как-то быстрее и готова вскипеть всегда. И, однако, мне представляется, что мы более вялые, чем русские, более чувственные; в нас некая азиатская мягкость и вместе с тем горячность наших предков, этих великолепных худошавых всадников. Мы – странная смесь нежности и грубости, сочетание, которое редко встречается у русских; вероятно, именно поэтому я обнаружил такую близость со многими героями Достоевского. Татары быстро воспаляются, быстро лезут в драку. Они самонадеянные, но в то же самое время страстные, а временами хитрые, как лисы. Татарин – хороший комплекс звериных черт, – и это то, что есть я».

«Мариинский, Кировский театр! Магические слова для всех любителей балета от Англии до Японии, от Египта до Аргентины. Это гораздо больше, чем просто замечательный театр в большом городе, это еще и исторический центр благодаря своей великой школе, чей необычайно высокий уровень классического совершенства в прошлом еще и сейчас оказывает свое влияние на весь балет. Школа, которая воспитала таких гениев, как Павлова, Трефилова, Спесивцева, Карсавина, Ваганова, Уланова... Фокин, Нижинский, Ермолаев, Чабукиани, Баланчин... – вчерашние и сегодняшние мастера международного балета. И школа, и труппа были созданы, когда Санкт-Петербургу было еще только 36 лет, в 1788 г., ровно за сто пятьдесят лет до моего рождения».

«Я всегда был склонен к... болезненным припадкам депрессии. И мне всегда было очень трудно выходить из такого состояния».

«Многие танцовщики стараются созерцать себя в танце, в то время как я стараюсь отдать себя всего зрителю, наполнить полной мерой внешнюю форму балета внутренней жизнью и чувством».

«Для меня произведение искусства – это что-то живое, быть верным духу произведения, по-моему, гораздо важнее, чем быть точным, потому что это, может быть, на самом деле

и менее точно, так как при этом можно быть совсем неточным в отношении общего первоначального замысла».

«В моем решении остаться на Западе не было никакой политической идеи, а только личные затруднительные обстоятельства. Я знаю, что люди с моим характером индивидуалиста нелегко приспосабливаются к труппе. Прежде всего я ценю уверенность в своих собственных силах и личную независимость. Без этого я не могу уважать себя. И в этом все».

«Я не хотел, чтобы мне сказали, где мое надлежащее будущее и какой путь считать правильным. Я хочу постараться сам найти его для себя. Это то, что я понимаю под свободой».

«Все, в чем я смог увидеть Павлову¹ уже в первый год моих занятий в Ленинградской балетной школе, – это старый затасканный фильм, примитивно заснятый. Она исполняет в нем “Ночь” Рубинштейна. Но я не видел ничего, что могло бы с этим сравниться, такие жесты, такие совершенные по красоте линии – чистое ИСКУССТВО. Она говорила всем своим телом, переводя музыку Рубинштейна в прозрачные лирические движения. Мне трудно подобрать слова, чтобы описать это впечатление изысканности, такого безупречного совершенства, нечеловеческой красоты. И только подумай-

¹ Павлова Анна Павловна – русская артистка балета, прима-балерина Мариинского театра в 1906–1913 годах, одна из величайших балерин XX века.

те, что фильм был сделан уже в конце ее жизни. Это было так трогательно, что вы чувствовали себя, как если бы кто-то мягко схватил бы вас прямо за сердце – особая острая боль».

«На сцене и в кино я романтик. Но в реальной жизни я практик и прагматик. И совсем не сентиментален...»

«Надо все испытать, даже с риском ошибиться. Любой опыт благотворен, плохой он или хороший».

«Танцовщик подобен инструменту, на котором надо уметь играть все, и современный танец – это расширение моих собственных границ».

«Мы всегда одиноки, несмотря на дружбу и встречи; двенадцать лет, проведенные в Лондоне, были пустыней одиночества».

«На сцене главное – это кордебалет. Без него нет и не может быть звезды».

«Все хореографы и танцовщики каждое утро должны молиться трем композиторам – Чайковскому, Прокофьеву и Стравинскому. Ведь благодаря этой триаде балет стал искусством».

«Спасибо Баланчину! Он создал американский балет. Баланчин очень увлекался мюзик-холлом. Из этого жанра он взял какие-то движения и формы и придумал новый танцевальный язык. Иную лексику после него создал Вилли Форсайт². Он внес в классический танец стиль диско. Есть Иржи Килиан³, у которого, я сказал бы, самые “золотые” уши. Он превращает метафоры в движения. Килиан слышит музыку и видит движения. Пол Тейлор тоже новатор танца. Будущее танца – в тех гениях, которые придумают новый язык».

«В Лондоне на мои спектакли приходила сама Тамара Карсавина, она была прима, 16 лет оттанцевала в Мариинском театре, работала с Фокиным, попала на Запад, благодаря Русским сезонам. Она участвовала в них 10 лет. Карсавина не воспринималась ни мной, ни другими как эмигрантка, ее жизнь была вполне английская. Авторитет этой балерины на Западе был огромен – она в течение 17 лет была вице-президентом Королевской академии танца в Лондоне. Карсавина приходила на мои спектакли, и это было признание меня как артиста».

«Жениться нужно на самом себе. Если у вас развод с са-

² Уильям Форсайт – американский хореограф, основавший труппу Dresden Frankfurt Dance Company – ансамбль современного танца.

³ Чешский танцовщик и хореограф. Директор и хореограф Нидерландского театра танца.

мим собой, ничто не делает вас счастливым. Ни деньги, ни награды, ни семьи...»

«Человек “позван” быть артистом балета свыше. Это – призвание. Он не может растрачивать свою энергию по пустякам. Нужно использовать ее, не теряя ни крошки. Нельзя торговаться, манипулировать, так как тебя всегда догонят на повороте, и карьера обрывается. Нужно без конца выкладываться полностью. Если я менее напрягаюсь на каком-то спектакле, следующий будет еще слабее. Нужно всегда танцевать сполна, на каждом представлении».

«Любовь – это бег через препятствия к смерти».

«Никогда не оглядывайся назад, иначе свалишься с лестницы».

«Жизнь – это бесконечный труд, который служит твоему успеху, а вкус успеха дороже всего».

«Умирать – это так весело!»

Пролог

О Рудольфе Нурееве написано очень много. Пожалуй, больше, чем о ком-либо в мире балета. Его жизнь была соткана из противоречий, а судьба его напоминала историю Золушки: мальчик из бедной семьи стал мировой знаменитостью. Но даже будучи миллионером, он скупился платить за себя в ресторанах. На сцене он выглядел галантным романтическим принцем, а за кулисами грязно ругался и даже бил своих партнерш. Он хамил коллегам, скандалил, но вредил больше всего самому себе, будучи совершенно неискушенным в закулисных интригах. Объявленный в СССР «изменником Родины», заочно приговоренный к тюремному заключению, он ни разу не позволил себе отрицательно высказаться о советском строе, и главное, – о советских людях. Проявляя недюжинную смелость, он танцевал, невзирая на травмы, выходил на сцену в бинтах, с воспаленными суставами, преодолевая сильную боль, однако легко мог заливаться слезами из-за грубости друга. Страдая сильнейшей аэрофобией, он то и дело перелетал из страны в страну, с континента на континент.

В течение двадцати лет Рудольф Нуреев был объектом поклонения миллионов, а сам мучился от одиночества и недостатка внимания. В него были без памяти влюблены тысячи женщин, хотя он был открытым геем. Его жизнь изобиловала

сексуальными приключениями, но была крайне скудна любовью. Нуреев оставил нам множество балетных постановок и кинозаписей своих выступлений, но не решившись вовремя уйти со сцены, пережил свою славу и стал объектом насмешек бесцеремонных журналистов.

Биографы разобрали по деталям все шокирующие подробности его жизни, все бесчисленные скандалы, с ним связанные, все его романы и интриги. Пожалуй, сейчас уже невозможно сказать ничего нового на тему «Нуреев в личной жизни», поэтому главным объектом внимания данной книги стала другая сторона его биографии – балеты, в которых он участвовал, люди, с которыми он был знаком, и время, в котором он жил. «Времена не выбирают, в них живут и умирают», – сказал поэт⁴. На долю Нуреева выпали со роковые-роковые⁵, оптимистические пятидесятые, дерзкие шестидесятые, яркие семидесятые и восьмидесятые, когда безудержный гедонизм прошлых лет сменился горьким осознанием бренности бытия... Судьба сводила его с величайшими хореографами XX века, с выдающимися балетными танцовщиками. Он выступал в балетах, которые становились знаковыми событиями в истории современного искусства, и сам создавал подобные постановки.

⁴ Александр Кушнер.

⁵ Автор выражения, ставшего крылатым, – поэт Давид Самойлов.

Глава первая. Жизнь в СССР

Семья

Начинался 1938 год. Это было непростое и напряженное время.

Уже чувствовалось приближение Второй мировой войны. В Германии креп фашизм, репрессиям подвергались евреи.

В ночь на 13 марта германские войска перешли границу с Австрией, готовился аншлюс Австрии и оккупация Чехословакии. Уже многие страны подписали с воинственной Германией договоры о ненападении, готовился подписать его и СССР, но, увы, это было лишь отсрочкой трагедии.

Не было спокойствия и на границе с Маньчжурией. То и дело японские и маньчжурские силы нарушали границу, провоцировали боевые столкновения

Не все ладилось и внутри страны. Полным ходом шла индустриализация: строились новые заводы и фабрики, а вот коллективизация, зачастую насильственная, вызывала сопротивление крестьян. Прошедший 1937 год вошел в историю как год Большого террора. Жертвами репрессий стали как представители элиты общества, так и простые граждане. По оценкам исследователей, пострадали более полутора миллионов человек. Ужесточались законы, которые стали

поистине драконовскими: опоздание больше чем на 20 минут считалось за прогул, за три прогула – увольняли.

Проводились партийные чистки и чистки в армии. Нещадно увольняли и судили бывших командиров царской армии. По фальсифицированным обвинениям были осуждены более нескольких тысяч человек, а то и десятки тысяч. Газеты писали про «заговор военных».

Писали они и об открытии 1-й сессии Верховного Совета СССР, публиковали речь товарища Сталина, сообщали своим читателям об экспедиции Папанина, о летчиках, вылетевших на помощь дрейфующим на льдине полярникам, о крушении дирижабля, спешившего на выручку папанинцам, об открытии первых опытных телевизионных центров...

Пассажиры поезда, спешившего из Иркутска во Владивосток, коротали время, обсуждая последние новости. Обсуждали осторожно: за неосторожное словцо можно было и срок схлопотать.

Другие не участвовали в общем разговоре, любясь пейзажами. Да и было на что посмотреть! Ведь поезд мчался по Транссибу – легендарной магистрали, пересекающей всю Сибирь. Это одна из самых живописных в мире железных дорог. Поезд проходил мощные мосты, перекинутые через полноводные реки, прорубленные в горах тоннели. Только на Кругобайкальской железной дороге этих тоннелей – аж сорок штук. Да в придачу еще полсотни галерей, защищающих пути от обвалов и оползней. В 1938 году люди помнили,

какие драматические события, ожесточенные бои развернулись здесь во время недавней Гражданской войны – то и дело встречались по пути братские могилы.

Среди пассажиров была молодая женщина – с тремя маленькими детьми и снова беременная. Звали ее Фарида Аглиулловна Нуреева, в девичестве Идрисова. Она спешила к мужу – партийному работнику Хамету Фазлиевичу Нуреву.

Происходил он из татарских крестьян бедного села Асаново Шариповской волости Уфимского уезда⁶. Оно расположено на берегу реки Кармасан, а название села говорит само за себя: «ас» по-башкирски – голодный.

Отца Хамета Нуреева звали Нурахмет Фазлиевич Фазлиев.

То, как Фазлиевы превратились в Нуреевых, объясняют по-разному. Одни говорят, что какой-то чиновник, не спросив фамилию, записал ребенка по имени отца: Нури – это сокращенное от Нурахмет. Сам Фазлиев был неграмотным и не смог его поправить.

Другие объясняют, что это была инициатива самого Хамета: он принял первую часть имени отца «Нур» в качестве фамилии. «Нур» по-татарски означает «луч» или «свет», и новая фамилия получилась красивой, созвучной времени. Старую же фамилию Хамет сохранил в качестве отчества.

Несмотря на нищету, Фазлиевы-Нуреевы были людьми

⁶ Ныне Кушнаренковский район Республики Башкортостан.

гордыми, и род свой возводили ни много ни мало к самому Чингисхану. Поэтому небезразлично относились они и к образованию своих детей: в детстве Хамет посещал медресе – мусульманскую церковную школу, где его научили считать и писать – по-арабски, по-татарски и по-русски.

На момент Октябрьской революции Хамету исполнилось уже 14 лет. Это сейчас мы бы назвали его ребенком, но для татарского бедняка то был вполне сознательный возраст. Революцию он принял с радостью. Советская власть дала Хамету возможность покинуть глухую деревню, выбиться в люди.

Хамет был человеком нового времени, идейным: он работал в совхозе, был призван в Красную армию, прошел подготовку в Казанской Объединенной татаро-башкирской военной школе. Затем получил гражданскую специальность – счетовод. В 1928 году вступил в ВКП(б).

Будучи еще курсантом, Хамет познакомился с юной Фаридой Аглиулловной Идрисовой – девушкой из такой же, как и у него, бедной крестьянской семьи, только из Казанской губернии и по национальности – башкиркой. Фаридида была сиротой: ее родители умерли от тифа и недоедания в 1921 году. В живых оставался только ее старший брат, живший в Казани. К нему и перебралась Фаридида. Существовала она на положении бедной родственницы, в семье своего брата ей помыкали как батрачкой. Но Фаридида не сломалась! Она была сильной женщиной, мечтавшей о лучшем будущем: посещала медресе, научилась читать и писать, готовилась к по-

ступлению на педагогические курсы.

В 1929 году Фарида и Хамет зарегистрировали брак. Невесте был 21 год, жениху – 25 лет. Писарь при оформлении документов ошибся и записал их фамилию как «Нуревы».

Судя по старым фотографиям, они были красивой парой, к тому же Фарида отлично пела и танцевала – и это очень нравилось Хамету.

Женившись, Хамет продолжил учебу. Он договорился с женой так: сначала она работает пока он учится, а потом он будет содержать семью, пока она выучится на педагога (именно об этом мечтала Фарида). Но ее мечта не сбылась: Фарида оказалась на редкость плодовита, и об образовании пришлось забыть.

Один за другим у нее рождались дети – все девочки: Роза, Лилия, Разида... Потом пришла беда: Лилия заболела менингитом. Врачи сумели ее выводить, но девочка потеряла слух.

Но все же Фарида и Хамет были людьми восточными. А для восточной семьи главное – иметь сына! О сыне мечтал Хамет, хмурясь при рождении очередной девочки. О сыне втайне молилась Фарида, боясь так и остаться «матерью ветра» – так тогда называли женщин, рожавших только дочерей.

Примерно через год после свадьбы Нуревы уехали из Казани в родное село Хамета Асаново, которое теперь было переименовано в Кушнаренково – в честь начальника полит-

отдела Башнаркомзема по фамилии Кушниренко.

В селе им выделили комнату в доме, ранее принадлежавшем местному кулаку, сосланному новыми властями в Сибирь. Хамет Нуреев стал работать в совхозе «Кармасан». Его выбрали заместителем председателя профсоюзного совета, затем назначили пропагандистом. Хамет искренне верил в советские идеалы. Он был образцовым партийным работником: о личном обогащении не заботился, за выгодой не гнался, беспрекословно ехал работать туда, куда посылала партия, не отговариваясь ни семьей, ни больной дочкой...

Но все же Хамету было неудобно возить за собой детей, поэтому Фарида с маленькими дочерьми часто и надолго оставалась одна. В 1937 году его призвали из запаса в Красную армию политруком. В январе 1938-го отправили служить в Приморский край в 32-й легкий артиллерийский полк, базировавшийся близ Владивостока в небольшом селе.

Фарида скучала без любимого супруга. Поэтому, находясь уже на сносях, она, собрав детей и скудный багаж, села в Уфе на поезд и отправилась на Дальний Восток к месту новой службы мужа.

Путь был долгим. Даже сейчас такая поездка заняла бы шесть с лишним дней, а в 1938 году скорость у поездов была куда меньшей, и дорога занимала около двух недель. Вот так и вышло, что Фарида чуть-чуть не успела: толчки и тряска ускорили наступление родов, которые начались прямо в поезде. В те времена роды дома были обычным явлением, и

многие женщины знали, что надо делать. К тому же в поезде ехали два военных врача, да и чистые простыни Фарида припасла – так что ее сын благополучно появился на свет.

Но где именно это произошло? В своих мемуарах Рудольф Нуреев всегда утверждал, что родился на берегах Байкала. Так ему казалось романтичнее. Однако более вероятно, что, когда у Фарида начались схватки, поезд уже давно миновал озеро Байкал и находился гораздо ближе к Владивостоку, около Уссурийска. До окончания пути оставалось около ста километров.

Запеленав сына, на ближайшей станции Раздольное Фарида послала старшую дочку отправить отцу телеграмму с радостной вестью. Но Хамет не поверил! Ранее Фарида один раз обманула его: при рождении третьей дочери написала, что родила мальчика, не желая расстраивать мужа. И вот теперь он ожидал прибытия семьи с недоверием, а за получив младенца в руки, первым делом распеленал его, чтобы удостовериться, что точно – мальчик. И лишь потом предался радости. Вдвоем Нуреевы выбрали сыну звучное красивое имя – Рудольф.

Младенческие годы

Хотя во Владивостоке семья прожила недолго, то были бурные месяцы. Полк, в котором служил Хамет, участвовал в боях на озере Хасан. Это была целая серия столкновений между РККА и японской армией из-за претензий Японии на территории у озера Хасан и реки Туманная. Об этих боях писала даже газета «Правда»!

Хамет Нуреев рисковал жизнью. Возможно, перспектива остаться вдовой с четырьмя детьми напугала Фариду, и Хамет впервые в жизни подал рапорт с просьбой о переводе в более крупный город. Обосновал он это необходимостью лечения дочки Лилии, оглохшей после менингита.

К его просьбе командование отнеслось со всем вниманием, и в июне 1939 года Нуреева перевели не куда-нибудь, а в самую Москву. Рудольфу только-только исполнилось 16 месяцев, когда все семейство отправилось в долгое путешествие по железной дороге.

В Москве Хамет получил комнату в двухэтажном деревянном доме у железной дороги. Он служил в артиллерийском училище, это была спокойная, безопасная работа. Семья продолжала жить бедно, но все же в столице их быт несколько наладился: дети пошли в детский сад, а глухая Лилия – в специализированную группу, где ее учили читать по губам.

Так прошло полтора года. Но Великая Отечественная война безжалостно разрушила относительное благополучие семьи Нуреевых...

Война

22 июня 1941 года гитлеровские войска перешли границу. В первые же недели пали города Брест, Львов, за ними Киев, Минск, Харьков...

Когда была объявлена мобилизация, Хамет ушел на фронт в числе первых.

Несмотря на героическую оборону советских войск, немцы быстро продвигались к Москве, в городе начались бомбежки. Люди прятались от бомб в метро, на станциях устанавливали деревянные настилы и двухъярусные нары, оборудовали буфеты, места для хранения вещей.

Однажды, выбравшись из бомбоубежища, Фарида обнаружила, что в их дом попала бомба. От ветхого деревянного здания мало что осталось. Собрав все пожитки, что удалось спасти, Фарида с детьми покинула столицу, отправившись в эвакуацию – в Челябинск, где Нуреевы прожили до 1943 года.

Жизнь в эвакуации была тяжелой: семья ютилась в девятиметровой комнатухе, куда то и дело подселяли других эвакуированных – совсем чужих людей. А с фронта шли страшные вести: сдавались врагу советские города, гибли солдаты...

Нуреев вспоминал: «...мы жили вместе с семьей русских крестьян, мужем и женой. Им, должно быть, было около 80

лет. Они были очень набожными, и их маленький угол весь был увешан иконами, а перед Божьей Матерью всегда висела зажженная лампада. Каждый день на рассвете старик и его жена подходили ко мне и, нежно встряхивая, будили меня. Они хотели воспитать во мне религиозные чувства. Они заставляли меня преклонить колени в углу, и я, наполовину сонный, вглядывался в желтоватый огонек. Меня заставляли молиться, бормоча слова, которые я не понимал. Почти всегда неизбежно это будило мою мать, видя это, она свирепела, так как в нашей семье никто не верил в Бога. И хотя это продолжалось каждое утро, но, как ни странно, я никогда не жаловался и даже уговаривал маму позволить мне продолжать говорить чужие непонятные слова.

В действительности была одна простая причина моей податливости – вознаграждение. Когда молитва кончалась, старая женщина давала мне несколько картошек или кусочек козьего сыра. “Пути господни неисповедимы”, – говорили они. Но мой путь к Богу легко понять. В те дни мой желудок был гораздо чаще пустым. Только картошка имела для меня значение, она была ценнее, чем ее вес в золоте, что уж тут говорить о молитве. Вся страна тогда была подобна голодному волку»⁷.

Рудольф не преувеличивал, жили они очень бедно. Денег у Фарида хватало лишь на картошку, которую варили на примусе и ели без масла.

⁷ Рудольф Нуреев. Автобиография.

Однажды голодный маленький Рудик опрокинул на себя кастрюлю с варящейся картошкой и попал в больницу. Но он не воспринял это как большую беду: напротив – ведь в больнице сытно и вкусно кормили, давали завтраки, обеды и ужины. Но после выписки его снова встретили голод и нужда.

Уфа

Решив, что в Челябинске, где скопилась масса эвакуированных, им не выжить, не прокормиться, Фарида оставила город и отправилась с детьми в Уфу, а вернее, в ее пригород – Щучье. Поселились они в саманном домике – крошечной лачуге, крытой древесной корой и с земляным полом. Там не было никаких удобств. За водой приходилось ходить к колодцу, в уборную – на двор. Отапливалась каморка буржуйкой – маленькой печуркой, которая больше дымила, чем грела. Еще были лавки вдоль стен и какие-то старые матрасы. И опять в их лачугу прописывали других эвакуированных – таких же бедных, бесприютных, нищих... Порой в их двенадцатиметровой комнатке жило сразу три семьи. Но несмотря на тяжелейшие жизненные условия, эти люди никогда не опускались до скандалов, до драк... Напротив, поддерживали друг друга, а вечерами даже читали вслух книги. Иногда читала Фарида, иногда ее сменяли старшие девочки. Особенно им нравились романы Жюль Верна, но Рудольф часто засыпал, так и не дослушав.

А еще в домике было радио!

Фарида с детьми слушала новости, представляя, как где-то далеко воюет с врагом ее любимый Хамет. Радовалась победам Красной армии. Когда по радио передавали концерты, то дети Нуреевых с удовольствием слушали классическую

музыку. Лиля тоже замирала около радио, словно звуки пробивались через поразившую ее глухоту. Девочка даже пыталась петь. Рудик же мог часами просиживать около радиоприемника, внимая мелодиям. По признанию Нуреева, с самых ранних дней он смотрел на музыку как на друга, как на религию, как на путь к лучшему будущему.

«Ледяной холод, тьма и прежде всего голод» – так запомнилась Рудольфу Нурееву жизнь в Уфе. Единственной пищей служила мерзлая картошка, которая безумно долго варилась на их убогой дровяной плите, так и норовившей погаснуть. Измученная, хронически не высыпавшаяся Фарида замкнулась в себе, она перестала улыбаться, перестала петь, перестала следить за собой, хотя раньше считалась очень красивой женщиной, и никак не выказывала детям своей любви – не целовала их, не обнимала... А ведь она была готова жизнь за них отдать, и Рудик был самым любимым ее ребенком! Ему единственному перепалили хотя бы крупницы материнской ласки.

Фариде приходилось много и тяжело работать. Сначала это была пекарня, потом – конвейер на заводе. Но крошечной зарплаты и тех продуктов, которые Фарида получала по карточкам, не хватало. Когда становилось совсем голодно, она выбирала из сохранившихся вещей нечто мало-мальски ценное и шла на базар – менять вещи на продукты. «Папин костюм был очень вкусным», – шутили у них дома: Фарида отнесла на рынок почти все носильные вещи мужа, не зная,

увидит ли она его когда-нибудь снова.

Путь к базару был долгим, идти надо было через поле и через перелесок. Однажды, уже перед самым концом войны, возвращалась она домой после наступления темноты и несла с собой выменянную на рынке гусятину. Фарида радовалась: ее семью ждало роскошное пиршество!

Но потом она заметила, что за ней следуют тусклые желтые огоньки. Они двигались парами на небольшом расстоянии от земли. Это были волки! Очевидно, запах свежего мяса привлек хищников. В ту пору они расплодились в окрестностях Уфы.

Храбрая женщина не растерялась: с собой у нее были спички, а на плечах вместо шали – старое одеяло. Она подожгла его и принялась им размахивать, не замедляя шага. Так – огнем – она сумела отпугнуть стаю. Вернувшись домой, она ничего не рассказала малышам, не желая их пугать. Отговорилась, что продала одеяло, а про волков они узнали намного позже. «Отважная была дама!» – восхищался своей матерью Рудольф.

Дети в семье Нуреевых тоже не сидели без дела: они собирали бутылки, отмывали их и сдавали, выручая кое-какую мелочь. Уже взрослым Рудольф вспоминал, что он торговал старыми газетами, продавая их за копейки, а летом в жару – свежей питьевой водой.

Он рос нервным плаксивым мальчиком. Потом, давая интервью журналистам, его старшая сестра Роза вспоминала,

что с самого младенчества он все время плакал: от голода, от холода, от шума... Только стук колес поездов его не пугал, ведь он привык к нему с рождения, да и в Москве они жили в квартире окнами на железную дорогу. А еще в Уфе Рудик часто убегал на гору Салават и просиживал там часами, глядя вслед уходящим поездам и мечтая о том, как однажды покинет этот город и отправится путешествовать.

Конечно, Фарида его избаловала! Он же был единственным сыном. Она выделяла его среди других своих детей и никогда не ругала. В таком сочетании крайней нужды, голода и безграничной материнской любви формировался характер Рудольфа.

Сказалось и отсутствие мужского общества. Он рос под влиянием сестер, общался с их подругами, а с мальчишками-сверстниками чувствовал себя неуютно. Он совершенно не умел драться, что в те годы было непростительным недостатком для мальчика. Чужая грубость, насилие вызывали у Рудика припадки, близкие к истерике.

К тому же чувствительный и обидчивый Рудольф сильно переживал из-за их весьма скудного даже по военным меркам достатка. Так, мать носила его в детский сад на руках: не было обуви. Ему приходилось донашивать платья старших сестер: у Фарида просто не было одежды для мальчика и не было времени перешивать девчачьи тряпки. Даже в садик шестилетний мальчик порой отправлялся в платьицах с пелеринками, а в первый класс пошел в пальтишке своей

сестры. Он чувствовал себя глупо, нелепо и очень злился. Ему все время казалось, что над ним смеются: из-за их бедности, из-за неподходящей одежды...

Рудольф Нуреев писал в своей «Автобиографии»: «Почти каждое утро я приходил с опозданием. И каждое утро воспитательница требовала дать ей объяснение. И я, удивленный, что она не понимает меня, говорил ей: “Я не могу прийти, пока не позавтракаю дома”. И она на это обыкновенно отвечала: “Как ты не можешь понять, что ты будешь здесь завтракать”. В ответ я мог только пробурчать: “Ну, я не был готов вовремя”. Она никогда не могла понять, что теперь, когда у меня появилась такая возможность, я не могу не позавтракать дважды. Особенно учитывая, что я никогда не знал, будет ли у нас обед.

И действительно – в этом же году, я упал в садике в обморок от голода. Дома нечего было есть с предыдущего утра. Мама вместе с Розой ушла в одну из своих поездок за едой и все, что я мог сделать, – это постараться пораньше уснуть. На следующее утро, проснувшись, я почувствовал головокружение, но пошел в садик и там упал»⁸.

⁸ Рудольф Нуреев. Автобиография.

Театр

Когда Рудик у исполнилось пять лет, Фарида разжила билетом в Уфимский оперный театр. Одним-единственным! И по этому единственному билету она умудрилась провести на спектакль всех своих четверых детей. Увиденное и услышанное стало для Рудольфа потрясением. Его восхитило буквально все – начиная с золотистого занавеса, так ярко блестящего при свете хрустальных люстр. Потом занавес поднялся, и взорам замороженного мальчика предстали какие-то очень красивые люди в цветах блестящих костюмах, совсем не похожих на серую поношенную залатанную одежду, к которой он привык.

Это была премьера первого башкирского балета «Журавлиная песнь», поставленного Ниной Анисимовой, артисткой Кировского театра, эвакуированной в Уфу. Музыка к балету была написана перед самой войной Львом Степановым и знатоком башкирского фольклора Загиром Исмагиловым. Главные партии исполняли теперь уже легендарные балетные танцовщики – ученица Агриппины Вагановой Зайтуна Насретдинова и ее постоянный партнер Халяф Сафиуллин.

Сюжет балета, основанный на старинной легенде, был для 1943 года актуальным. Это была история могучего батыра⁹ Юмагула, прославившегося также игрой на курае – башкир-

⁹ Богатыря.

ской флейте. Увидел как-то раз батыр танцующую стаю журавлей. Игрой на курае пастух Юмагул приручил журавлей. Стали птицы превращаться в девушек. Самую прекрасную из них звали Зайтунгуль. Она и Юмагул полюбили друг друга. Но увидели дивную журавушку люди злого и жадного бая Арслана и захотели ее пленить. Однако аксакалы решили, что право на любовь красавицы батыры должны доказать в честном поединке. Коварством пытался бай помешать Юмагулу явиться на поединок – но не вышло. В честном бою верх одержал Юмагул. Близко было счастье, но коварный Арслан стрелой убил Зайтунгуль. Тогда охваченный скорбью Юмагул убил Арслан-бая.

Конечно, маленький Рудик мало что понял из сюжета, его захватило само зрелище невиданной красоты, столь резко контрастировавшее с окружавшей его нищетой.

Много лет спустя он написал: «Я никогда не забуду ни одной детали этого спектакля. Сам театр, мягкий красивый свет хрустальных люстр, небольшие фонари, горевшие повсюду, цветные стекла, бархат, золото... – совсем другой мир, место, которое, на мой ослепленный всем этим взгляд, можно надеяться увидеть только в прекрасной фантастической сказке. Это первое посещение театра оставило после себя впечатление необычности. Что-то зажглось во мне, что-то особенное, очень личное. Что-то случилось со мной, меня унесло далеко от того жалкого мира, в котором я жил, пря-

мо на небеса. С того момента, как я попал в это волшебное место, мне показалось, что я действительно покинул реальный мир и родился вновь где-то далеко от всего, что я знал, во сне, который разыгрывается для меня одного... Я не мог произнести ни единого слова. Даже сегодня я ощущаю такое же волшебство, когда вхожу в прекрасное здание театра»¹⁰.

Вернувшись домой, он твердо заявил, что хочет учиться танцевать. К счастью, ничего нереального в его мечте не было: в детском садике был танцевальный кружок, и Фарида тут же записала туда сына, ведь она и сама когда-то считалась певуньей и плясуньей.

Рудольф стал учиться танцевать, он делал это охотно и с удовольствием. А вскоре последовали первые концерты – в госпиталях. Раненые принимали малышей «на ура»: аплодировали, подбадривали... Потом и вовсе случилось невиданное: их кружок засняли на киноплёнку для выпуска новостей. Тогда, конечно, еще никаких телевизоров не было, а новости показывали в кинотеатрах, перед началом фильма.

Рудольф увидел себя на экране – и сам себе ужасно не понравился. Он даже расстроился и в очередной раз заплакал. А вот соседи были другого мнения: все наперебой принялись уверять Фариду в несомненном таланте ее сына и уговаривать отдать мальчика в серьезную студию, может быть, даже в Ленинград отправить... Фарида очень бы хотела последовать их советам, да только денег на поездку в столичный го-

¹⁰ Рудольф Нуреев. Автобиография.

род в их семье не было. Пришлось пока ограничиваться детскими любительскими кружками.

Отец

И вот настал май 1945-го! Семилетний Рудик вместе со взрослыми слушал по радио известие о капитуляции фашистской Германии. Обрадованные уфимцы смеялись, радовались, пели, даже танцевали. Вечером все слушали речь Сталина – ее передавали по репродуктору. И снова смеялись, обнимались, танцевали...

Радовалась и Фарида. Она с нетерпением ждала возвращения мужа, но прошло еще полгода, прежде чем она увидела своего любимого Хамета. Вернулся он домой лишь в августе.

Его возвращение поразило детей: ведь отца они совсем забыли. В дом вошел неизвестный мужчина, а мать вдруг зарыдала и бросилась ему на шею. Потом они обнялись все, но с тех пор Хамет всегда оставался для своих детей немного чужаком: они даже обращались к нему на «вы», а не на «ты», как к матери.

С его возвращением семье Нуреевых наконец-то дали обещанное жилье – конечно, не квартиру, – комнату.

Это была четырнадцатиметровая комната в коммунальной квартире на улице Свердлова – в центре города. Там они и жили вшестером, но теперь уже одни, без подселений. И там в отличие от жуткой развалюхи из кизяка было тепло, в доме была нормальная печь и общая кухня. А самое главное,

там был водопровод, но вот канализации не было. В туалет, как и раньше, надо было в любое время года идти «на двор».

В отличие от Фарида Хамет не воспринял всерьез увлечение сына танцами, по его мнению, это было не мужское занятие. Он считал, что Рудольф должен получить рабочую профессию, поступить на завод... Хамет старался приобщить мальчика к «настоящему делу» и учил его лить пули для охотничьего ружья, сердясь и досадуя, что юный Рудик скучает во время этого занятия. Хамет хотел видеть в мальчике будущего солдата – и не мог найти в сыне ни одной черты, которая соответствовала бы его собственным мечтам. Он активно взялся за воспитание мальчика, но это привело лишь к еще большему взаимному отчуждению.

Взаимоотношения Хамета с сыном приняли характер непрекращающейся борьбы. Однажды он повел того в лес на охоту. Довольно быстро он сообразил, что сын создает излишний шум, распугивая дичь. Тогда он оставил его на поляне рядом с рюкзаком, а сам ушел. Отлучка затянулась. Спустя сорок лет Рудольф вспоминал это гнетущее, беспомощное ожидание, то, как он увидел дятла – и птица его напугала... Когда Хамет, наконец, вернулся, Рудольф уже горько рыдал от испуга и одиночества. Хамет не мог понять его страха: ему казалось, что он отсутствовал не дольше часа. Да к тому же он не выносил слез, тем более мужских. Поэтому Хамет отругал сына за плаксивость и лишь посмеялся над происшествием, а потом так же, со смехом, пересказал все

жене. Обычно сдержанная Фарида в тот раз не на шутку рассердилась и долго не могла простить мужу его жестокости. Так в глазах отца Рудольф окончательно стал слабаком и маменькиным сынком. Больше он на охоту не ходил.

Школьные годы

Рудольф Нуреев в кружке народного танца считался одним из самых талантливых учеников. В школе знали про его увлечение и то и дело отправляли способного мальчика на всевозможные мероприятия. Он привык к сцене, не боялся зрителей, не стеснялся. Его выступления нравились, ему аплодировали... В школе же одноклассники вели себя примерно так же, как Хамет: подсмеивались над Рудольфом, подшучивали над ним, возможно, завидуя, обзывали «балериной». Болезненно обидчивого Рудика их шутки больно ранили.

Таисия Халтурина, школьная учительница, вспоминала, что Рудик был очень неконтактным мальчиком и совсем не имел друзей. Он был немного задиристый, и ребятам не нравилось, что у него были способности, какими другие не обладали. Ей не единожды приходилось мирить Рудика и весь класс.

К тому же отметки по школьным предметам оставляли желать лучшего. «Откровенно говоря, я был тогда плохим учеником»¹¹, – признавался уже взрослый Нуреев. Мальчиком он был очень умным и схватывал все на лету, однако ленился и частенько не учил дома не интересные ему уроки. Поэтому оценки его были неровными.

Подобно большинству советских детей Нуреев вступил в

¹¹ Рудольф Нуреев. Автобиография.

пионеры, хотя учителя были не в восторге от его поведения. В школьных характеристиках его появляются записи: «Нуреев очень нервный, подвержен приступам гнева, часто дерется с одноклассниками». На уроках он не слушал учителя, а мечтал, думая о чем-то своем. Если учитель или одноклассники замечали его состояние, то Нуреева больно щипали или толкали, стараясь пробудить от грез.

В те годы еще не было понятия «школьной травли». Нет, конечно, грубость, драки и рукоприкладство не поощрялись, но считалось вполне нормальным и даже правильным «прорабатывать на пионерских собраниях» тех, кто так или иначе выбивался из коллектива, или объявлять им коллективный «бойкот». А Нуреев все же был в классе «белой вороной», поэтому бойкотировали его часто.

Прилежным занятиям он предпочитал танцы, и если по радио передавали подходящую музыку, мог увлеченно протанцевать весь день — с того момента, как возвращался из школы и до самого вечера.

«В школе, хотя я в значительной степени способствовал нашим победам на всех национальных конкурсах, учителя стали посылать постоянный поток писем моему отцу, жалуясь на мое равнодушное отношение к занятиям. “Нуреев занимается все меньше и меньше... У него ужасное поведение. Он всегда опаздывает в школу... Он прыгает подобно лягушке... Это все, что он умеет... Он танцует даже на лест-

ничной площадке”»¹², – вспоминал Нуреев.

Отец Рудольфа, наблюдая за сыном, хмурился и даже частенько порол его за танцы дома. Хамет мечтал, чтобы его сын получил техническое образование и стал инженером. По его мнению, тогда Рудольф смог бы твердо стоять на ногах. Танцы же к почтенным занятиям не относились: всех артистов Хамет считал пьяницами и разгильдяями. Он наотрез отказался купить сыну пианино, мотивируя это тем, что в крошечной комнате его негде поставить. К тому же пианино было бы невозможно носить с собой, чтобы развлекать музыкой друзей. Взамен Хамет предложил купить сыну баян или губную гармошку, чтобы музыкой и песнями развлекать компанию. Необщительного, замкнутого Рудольфа такая перспектива совсем не прельстила. Однажды Хамет даже обратился к учительнице, попросив повлиять на Рудольфа, отвратить его от танцев. Но Халтурина не стала этого делать, не желая губить юный талант. К тому же ее восхищало, как настойчиво и упорно Рудольф Нуреев идет к своей цели. «Он был очень упорный, очень настойчивый», – вспоминала она. Да и Фарида всегда становилась на сторону сына!

Понимала младшего брата и его сестра Роза – старшая в семье. Она тоже занималась танцами и вполне разделяла восторг Рудольфа и его любовь к сцене.

¹² Там же.

Дворец пионеров

Когда Рудик у исполнилось десять лет, он поднялся на новый уровень – его приняли в танцевальный кружок при Дворце пионеров. Надо сказать, что в те годы «дворцы пионеров» были действительно дворцами: их строили по типовому проекту в стиле сталинского ампира – с колоннадами, богато украшенными фронтонами и большими залами.

Дворец пионеров и школьников в Уфе был открыт в 1936 году. До Великой Отечественной войны он располагался в доме № 61 по ул. Зенцова, переименованной в 1937 году в ул. Ленина. В его многочисленных кружках занималось более тысячи воспитанников. Балетным танцам детей учила Анна Ивановна Удальцова, профессиональная танцовщица, выступавшая некогда в кордебалете у Дягилева. Надо сказать, что Дягилев даже в кордебалет плохих танцовщиков не брал. Потом Анна Ивановна вышла замуж за белого офицера, он попал в тюрьму, а после его освобождения их обоих сослали в Уфу. В свою студию Удальцова принимала далеко не всех. Прежде всего она потребовала, чтобы Рудик продемонстрировал ей, что уже умеет. Он станцевал гопак и лезгинку – Удальцова была поражена и очарована.

Тогда ей было чуть более шестидесяти лет, это далеко еще не старость, но выглядела она на все семьдесят: сказывались жизненные невзгоды. К счастью, жизнь забрала у Анны Ива-

новны лишь красоту, пощадив ее здоровье: первая учительница Рудольфа Нуреева дожила до ста трех лет и умерла в один год со своим прославленным учеником. В 1989-м, когда Нурееву разрешили вернуться в СССР и посетить Уфу, они встретились. Глаза Анны Удальцовой светились искренней радостью. Она обнимала и целовала своего ученика, живо интересуясь его выступлениями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.